

По дороге в легенду
Новое героическое фэнтези

Читайте в серии
«По дороге в легенду.
Новое героическое фэнтези»

Элеонора Раткевич
«Найлиссский цикл»
Таэ эккейр!
Ларе-и-таэ

Мария Вилонова
«Тропы Ирда»
Перекресток трех дорог

Георгий Смородинский
«Храм Элементов»
Сын синеглазой ведьмы
Во славу Светлого Ордена
Завещание Единого бога

Элеонора Раткевич
Парадоксы младшего
патриарха

Элеонора Раткевич

ПАРАДОКСЫ
МЛАДШЕГО
ПАТРИАРХА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р25

Иллюстрация на переплете художницы
LEVELVIOLET

Раткевич, Элеонора Генриховна.

Р25 Парадоксы младшего патриарха / Элеонора Раткевич. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-210943-0

Кинтар, лучший ученик Королевской боевой школы, в порыве ярости едва не убивает заносчивого новичка по имени Майона Тхиа. Вместо того чтобы изгнать нарушителя, мастер Дайр передает тому управление делами, а сам становится младшим учеником. Но как вести за собой остальных учеников, если сам не знаешь куда идти?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210943-0

© Раткевич Э., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Всем Ученикам,
сколько их было, есть и будет –
с искренним и благодарным
уважением*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Учитель моего учителя

Все хорошее когда-нибудь кончается. Например, свежие, не гнилые объедки. Милостыня, брошенная щекастым недорослем, решившим спьяну покуражиться перед первой в жизни женщиной своей щедростью неслыханной. Или найдется все на той же помойке пара драных сандалий — отличные были сандалии, как сейчас помню. Все хорошее когда-нибудь кончается.

Когда меня учитель Дайр на помойке этой самой подобрал и в школу приволок, к дармовым питью-жратве, я был железно уверен, что это очень скоро кончится. Не кончилось. А уж когда мастер Дайр стал учить меня, как драться по-взаправдашнему, я и вовсе уверился, что скоро надоест ему новая игрушка. Теперь-то уж точно надоест. Опять ошибся. Спать ложусь — все на месте, утром глаза открою — ничего никуда не делось. Год прошел, другой на исходе — а оно все не кончается. Куда там — мастер меня со временем и вовсе усыновил. Негоже ведь, чтобы лучший ученик, имеющий право на звание мастера, краса и гордость школы, при одной кликухе щеголял, без имени родового. Когда я сам начну своих учеников бегом гонять, оно мне очень даже пригодится.

Это неправда, что к хорошему быстро привыкаешь. Я вот привыкал долго. Годами. И все-таки привык. Раз-

мяк. Расслабился. Уверился. Слишком уж долго хорошее не кончалось.

До того самого дня, когда в нашей школе появился высокородный Майон Тхиа.

Мастер Дайр, не в пример другим учителям, за богатыньками учениками не гонялся. Он мог себе это позволить: школа существовала за счет королевской казны. Понять не могу, что заставило учителя принять в школу избалованного, изнеженного, выхоленного наглеца. Тем более, что поздновато начинать всерьез в пятнадцать-то лет.

Я невзлюбил Тхиа с первого дня, с первой минуты — но неприязнь свою прятал тщательно. А вот Тхиа — дело другое. Он и сразу нос выше сосен задира — а уж когда ему доброхоты во всех подробностях объяснили, кто я есть, кем я был и на какой свалке мне место, кабы не прихоть учителя...

Майон Тхиа был несметно богат и чудовищно родовит. Единственный наследник — и этим все сказано. И как он должен был стерпеть, что здесь он пока никто и зовут его никак? А право распоряжаться им принадлежит не только учителю — это само собой! — но и старшим ученикам, а главное — лучшему из них. Безродной твари. Крысе помоечной.

Он и не стерпел. Терпеть отныне приходилось мне. Никто из учеников со мной давно уже не связывался. Боялись. Да и по рангу не положено. Но к Майону Тхиа это не относилось.

Он ни разу не опустил до площадной брани. Речь его всегда оставалась благовоспитанной и даже чопорной. Ругань уравнила бы нас. Нет, он не опускался до моего уровня. Он разделялся со мной сверху — оттуда, с немыслимой высоты своей знатности и богатства.

Драться он еще не умел — зато отлично знал, куда надо ударить. Ударить словами. Он не выискивал у меня слабых мест в долгой беседе. Нет, он чувал, он попросту знал, что и как мне придется большее всего — и говорил именно это. Небрежно, как бы походя. И вежливо улыбался. Всегда улыбался.

Вот эта самая улыбочка после очередного оскорбления меня в конце концов и доконала. Уже и не помню, что он мне такого сказанул в тот раз. К словам я начал понемногу привыкать, и сами по себе слова... да нет, мерзко было другое.

Высокородный господин Майон Тхиа смотрел на меня и улыбался. Сколько уже раз я видел эту его улыбку — но сегодня во мне что-то сломалось.

Я тоже посмотрел ему в лицо.

Ехидный прищур светлых глаз. Четкие, изящные, словно узкой кистью выведенные брови. Тонкий надменный нос. И улыбка, достойная уст молодого Бога, завидевшего опарыша в куче навоза. Неповторимо прекрасная в своем изгибе улыбка высокородного господина, уверенного в полной и нерушимой безнаказанности.

Я ударил прямо по этой улыбке — без замаха, коротко и страшно. Тхиа отлетел на добрых пару шагов и рухнул, даже не вскрикнув — нечем ему было кричать — а я рванулся к нему и поднял его ошалевшее от внезапной боли тело пинком. Поднял туда, где его уже ждал мой кулак. Туда, где я отплачу ему за все. Я, сирота. Я, тварь. Я, крыса помоечная.

Я хлестал его наотмашь по высокородным привилегиям. Я дух вышибал из его несметного богатства. Я сворачивал челюсть его сытым, гладким, холеным речам, сокрушал в прах тяжелые фолианты с золотым

тиснением и проламывал насквозь мягкие постельки, застланные шелковыми пуховичками. Я был не в себе, я был не собой — я был голодом и унижением, гнилыми лохмотьями и зуботычинами... и они не могли позволить их высокородию оскорблять себя.

Наверное, я бы убил его. Потому что хотел. И хотел, чтобы он знал, кто его убивает. Только потому он был еще в сознании. Ну, это ненадолго. Он лежал на каменных плитах двора, даваясь и кашляя кровью, и я занес кулак в последний раз. И в последний раз посмотрел ему в лицо — чтобы запомнить, каким оно было и больше уже не будет.

Да, я посмотрел... и ничего не увидел. Ни прав, ни привилегий, ни древней родословной, ни казны несметной. Не было ничего. Был мальчишка. Сопляк. Новичок. Насмешник, неспособный пока еще дать мне сдачи... которого я только что избил с такой ошеломляющей жестокостью... я ведь и правда убить его хотел... а он не мог мне сопротивляться, совсем не мог, совсем... уж если никто из старших учеников не насмелился меня остановить — где ему... скорее мотылек даст оплеуху горной лавине.

Кулак мой разжался сам собой. Я еще не знал, что же мне, скотине, теперь делать. И не успел узнать.

Никто из старших учеников не полез мне под горячую руку. Храбрости не хватило. Зато у кого-то хватило ума сбегать за учителем Дайром.

Я встал и повернулся к Дайру прежде, чем он велит мне это сделать. За спиной у меня лежал Тхиа, передо мной возвышался учитель, а я стоял между ними и желал только одного — чтобы у меня разорвалось сердце. Чтобы милосердные Боги позволили мне не быть.

— Странно, Кинтар, — негромким бесцветным голосом сказал мастер Дайр. — Никогда не замечал за тобой. Оказывается, тебе нравится избивать тех, кто слабее тебя.

Пальцы его легли на пряжку ремня, и она еле слышно щелкнула.

— Похоже, тебе пора напомнить, как себя чувствует тот, кто не может сопротивляться.

Пояс скользнул в руку мастера Дайра беззвучно, и впервые за эти годы я вновь ощутил, как у меня враз слабеют колени, как наливаются свинцовой тяжестью страха губы. Потому что мастер Дайр с самого первого дня никогда, никогда меня не бил, и тем более не... потому что он нас никогда...

Я был выдран боевым поясом. Со всеми пряжками, накладками и прочим, что к боевому ремню полагается. Выдран у всех на глазах — как только что у всех на глазах я сам избивал Тхиа. С той же ненавистью, с той же ошеломляющей жестокостью и мстительной изобретательностью. С тем же точно желанием унижить и причинить боль. Вот только я так и не дал Тхиа потерять сознание — а меня избили до беспамятства.

В чувство я был приведен двумя короткими пинками — под ребра и в челюсть.

— Между прочим, именно так себя Тхиа и чувствовал, — еще более бесцветным голосом сообщил Дайр. — И ведь тебе это нравилось, Кинтар?

Тхиа... мотылек, на которого обрушилась лавина... и лавине это и в самом деле понравилось...

Я ничего не ответил мастеру Дайру. Не до него мне было. И плевать, что за подобную дерзость меня могут еще как-нибудь наказать. У меня не только желания отвечать, но и сил не было: силы мне нужны, чтобы встать.

Встать я все-таки сумел. И оглядеться. И найти взглядом Тхиа — избитого в кровь, жалкого, бледного от потрясения. Даже когда я занес кулак для последнего, смертельного удара, в глазах Тхиа не было такого ужаса.

Я сглотнул кровь из прокушенной губы, преодолел несколько шагов, отделявших меня от Тхиа и рухнул перед ним на колени. Перед высокородным Майоном Тхиа, так давно желавшим поставить на колени дерзкого нищebroда? Черта с два — перед беззащитным сопляком, которого я едва не убил за пару насмешек и наглую улыбочку.

— Прости, если можешь, — сказал я, стараясь говорить отчетливо. — Это я не потому, что меня наказали... правда... я сам... я не должен был...

Слова не шли мне на ум. Вместо них пришло беспомытство.

Очнулся я уже под вечер, в своей постели. Кто-то принес меня сюда, уложил лицом вниз — а потом, хвала Богам, оставил меня одного. Иначе мне трудно было бы плакать.

Когда-то, когда мальчишки из другой, не нашей помоечной ватажки, ловили меня все скопом и оставляли избитого в самой грязной луже, какую могли сыскать, я кусал губы или щипал себя за руку — это помогало оттягивать боль в сторону. Теперь все было по-другому. Боль сама была оттяжкой. Она хоть немного оттягивала от меня мою ненависть к себе. Мастер Дайр был прав. И сделал то, что должен был сделать. Для тех, кто любит мучить, лекарство одно — боль. Как можно быстрее — пока еще не поздно. Без малейшей жалости. И при всех. Чтоб каждый видел и запомнил: безнаказанным мучитель не останется.

Притом же я понимал, что за бешенство овладело мастером Дайром. Самозабвенно воспитывать бойца, воина — и вдруг увидеть, как боец превращается в пьяного насилием палача... и увидеть лицо Тхиа... вот только моего лица в эту минуту мастер Дайр не видел — иначе просто оставил бы меня в руках моей совести... и это было бы в тысячу раз хуже... навряд ли я смог бы хоть когда-нибудь еще подумать о себе без омерзения... я ведь даже и сейчас не могу.

Прохлада. Что-то прохладное коснулось моей спины. Что-то, унимающее боль... зачем?

С огромным трудом я повернул голову.

Возле моей постели на коленях сидел Тхиа и осторожно касался моих ран мягкой тканью, смоченной целебным раствором. Я смигнул, отказываясь верить своим глазам — но видение не исчезло. Мокрое от пота видение, иззелена-бледное. Оно сглотнуло — и только тогда я понял.

— Оставь, — прохрипел я. — С сотрясением мозга лежать положено.

— Не бойся, — с великолепной иронией возразил Тхиа, — я не блевану тебе на спину.

Ах, вот как мы теперь говорим? Раньше высокородный Майон Тхиа сказал бы «меня не вырвет». Или даже «не стошнит». Он заговорил не на своем языке, а на моем. Это словечко стояло поперек всей его чопорной благовоспитанной речи. Да, но сама эта речь...

— Ох, ну и ядовитый же у тебя язык, — против воли усмехнулся я.

Рука Тхиа дрогнула, едва не опрокинув мисочку с целебным зельем.

— Я не смог, — тихо и мучительно произнес он. — Ты переступил через себя и попросил у меня прощения

там, при всех... а я не смог... вот так, при всех... а ведь все из-за языка моего ядовитого вышло... веришь, я не хотел?... честно не хотел, веришь?

— Верю, — ответил я. — Хотеть получить по морде трудно.

— Я не хотел, — повторил Тхиа. — Сам не пойму... я ведь со своими вассалами так никогда, понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул я. — Будь я твоим вассалом, этого никогда бы не случилось. Как прирожденный аристократ, ты никогда не оскорбишь низшего. Будь я твоим вассалом, я был бы сыт, одет и обут за твой счет и наслаждался уважительным обращением. Но я не твой вассал и никогда им не буду.

Тхиа опустил голову.

— Я оскорблял не низшего, — очень тихо сказал он. — Равного. Или даже...

Он снова сглотнул, закусил губу и продолжил обрабатывать мою спину. Молча.

Зелье у него было отменное. Назавтра я уже смог встать и даже выйти из комнаты. И разумеется, первое, что я услышал, едва проснувшись, был голос Тхиа — а как же иначе? Вот уже три месяца, как звук его голоса будит меня с утра пораньше — так почему сегодняшний день должен стать исключением?

— Вы свои языки поганые об Кинтара вытирать не смейте! — голос Тхиа за кустами звенел такой яростью, что листва дрожала. — Он лучше вас всех вместе взятых! А кто на него пасть откроет — порву. Сам порву, ничего мастеру не скажу, хоть бы вы мне все тут морду набили — я не побоюсь!

— И правильно не побоишься. — Я выломился через кустарник, и трое старших учеников в ужасе отпрянули. — Потому что теперь бить тебе морду буду только

я — и только после того, как ты научишься давать мне сдачи.

Покинув перепуганных старших учеников и растерянного Тхиа, я пристроился под соседним кустом в тени и полузадумался, полузадремал — да так основательно, что когда из трапезной раздался сигнал к завтраку, я и с места не сдвинулся.

Предрассветную тренировку я благополучно провалялся в полузабытии, на завтрак не пошел — но к учителю явиться я просто обязан. Не для продолжения вчерашней взбучки — хотя если мастер сочтет нужным ее продолжить, не ученику с ним спорить. Просто у всякого ученика есть обязанности — а у первого ученика они есть тем более. И то, что на мне живого места нет, необходимости исполнять их не отменяет. Это новичку бы позволили отлежаться после такого... хотя нет. По той простой причине, что новичку, пусть даже и за самый немыслимый проступок, и половины бы такого не досталось.

Я глубоко вдохнул, выдохнул, разжал стиснутые зубы и ровным шагом — ровным, не ковыляя, не падая и не останавливаясь! — направился к учителю. Дойдя до двери, я поднял было руку, чтобы постучаться — и не постучался.

Учитель Дайр был не один. Да не просто не один. Тхиа и здесь опередил меня. Вот же проваль! Неужели я больше никуда не могу пойти, чтобы не наткнуться на треклятого мальчишку?

— Вы несправедливы, учитель, — заявил Тхиа.

Идиот, трижды идиот! Мало тебе, что я тебя вчера взгрел? Хочешь, чтоб тебя в довесок еще и как меня взгрели — по твоей мерке, конечно? А ведь за такие заявления могут, будь ты хоть сорок раз новичком.